

Сов. секретно

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

СОКОЛЬНИКОВА Г.Я. с БУХАРИНЫМ Н.И., произведенной 8-го сентября 1936 года Прокурором Союза ССР ВЫШИНСКИМ А.Я., в присутствии Секретаря ЦК ВКП(б) Л.М.КАГАНОВИЧА и Председателя КПК и Секретаря ЦК ВКП(б) Н.И.ЕЖОВА.

Вопрос Сокольникову Г.Я. Расскажите кратко о своем участии в блоке и о своих связях с различными лицами и группами, боровшимися против руководителей партии и правительства.

Ответ: На очной ставке с Рыковым я дал уже по этому поводу подробные объяснения. Кратко о своем участии в блоке могу сообщить следующее:

Участвуя в этом блоке и входя в центр этого блока, я, конечно, знал, что блок организовался на основе террора против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, и в первый период своего участия в этом блоке был информирован КАМЕНЕВЫМ о подготовлявшихся террористических актах. В связи с арестами после 1-го декабря 1934 года и провалом центра была создана новая тройка в составе: меня, СОКОЛЬНИКОВА, РАДЕКА и СЕРЕБРЯКОВА. Мы установили контакт с Пятаковым, который также вошел в центр. Переговоры с правыми относятся к ноябрю 1935 года. Эти переговоры были продолжением тех, которые велись еще в 1932 году и о которых я знал от КАМЕНЕВА, утверждавшего, что он в 1932 году вел переговоры об организации блока с Бухариным, Зиновьев - с Томским, а Шаров и Евдокимов - с Углановым. Каменев мне говорил, что он, Каменев, впоследствии сообщил Бухарину и Рыкову об организации блока и о том, что блок организован на террористической основе. Однако правые в блок не вошли, но согласились на контакт и взаимную политическую информацию. Осенью 1935 года я по прямому поручению нового центра обратился к Томскому с предложением вступить в блок. Томский согласился,

подтвердив, что он действует от имени Бухарина и Рыкова. Таким образом, к началу 1936 года блок расширился за счет участия правых. Мне известно, что Пятаков условился с Томским связать людей, которых должен был привести в этот блок Томский, с Дрейцером. Тогда же была выработана с Томским общая схема действия, причем было достигнуто соглашение о том, чтобы одновременно с террористическими актами осуществить выступление группы военных, и, в частности, ПРИМАКОВА и ПУТНЫ. Говоря со мной, Томский выступал от имени всей группы, т.е. от имени и Бухарина и Рыкова, Томский говорил, что Бухарин дал согласие использовать в контрреволюционных целях троцкистско-зиновьевского блока типографию "Известия".

Вопрос (Сокольникову): Если Томский блокировался с Вами, то он должен был назвать Вам своих людей. Говорил он с Вами о своих людях. Кто эти люди?

Ответ (Сокольникова): О людях Томский со мной не говорил. О людях Томский должен был говорить с Дрейцером и Пятаковым, хотя он называл мне Толстопятова.

Вопрос: Во имя какой политической и экономической платформы Вы вели борьбу?

Ответ: В первый момент мы рассчитывали линию ЦК не ломать. Хотя прямых решений блока по вопросу о политической программе у нас не было, в основе у нас была правая линия - восстановление мелкого индивидуального хозяйства в деревне, роспуск колхозов, сокращение размаха индустриализации.

Вопрос: Какова была Ваша внешняя политика: вела она к ослаблению или к усилению советского государства?

Ответ: Конечно, к ослаблению.

Вопрос: Считал ли Ваш блок нашу систему социалистической?

Ответ: Считал.

Вопрос: Почему же Вы хотели свергнуть руководителей, построивших эту систему?

Ответ: Думали, что мы сами лучше поведем дело.

Вопрос: Чем объяснить, что Вы стремились главным образом привлечь Томского, а не Бухарина?

Ответ: Тем, что мы считали Томского практической силой и наиболее подходящим участником центра; считали, что он будет больше работать, что у него больше связей, и, кроме того, исходя из его бесед с Каменевым и Зиновьевым, знали, что у него были террористические настроения.

Вопрос: Почему Вы поверили, что Томский действует от имени Бухарина и Рыкова?

Ответ: Потому, что и раньше были переговоры с правыми, и Каменев утверждал, что он информировал Бухарина и Рыкова о блоке, о переходе к террору и о задаче захвата власти; кроме того, я имел прямое заявление Томского, что он действует от имени Бухарина и Рыкова.

Вопрос: Таким образом, Вы лично участвовали в контр-революционном троцкистско-зиновьевском террористическом центре и подготавливали террористические акты против руководства ВКП(б). Как же Вы клялись в верности ЦК? Значит, Вы подло лгали, обманывали?

Ответ: Да, я лгал, я хотел тем самым скрыть свои старые связи.

Вопрос: Знали ли вы о подготовке убийства т.Кирова?

Ответ: Знал. Мне говорил Каменев, что готовится убийство Кирова.

Вопрос: Можно ли после всего здесь сказанного в какой-нибудь мере вам верить?

Ответ: В чем же вы сомневаетесь? Вы спрашиваете, можно ли мне верить? Это, конечно, надо решить на основании фактов. Надо мои показания проверить другими обстоятельствами. Но если я говорю сейчас, не щадя себя, то я это делаю потому, что считаю нужным доказать, что никакого оружия у меня в руках против партии нет и что я делаю все возможное со своей стороны, чтобы ликвидировать эту преступную организацию.

Вопрос (Бухарину Н.И.): Что Вы можете сказать по поводу показаний Сокольниковца?

Ответ (Бухарина Н.И.): Я хочу раньше всего спросить Сокольниковца - почему он ни разу со мною не переговорил по поводу блока? Ведь мы знаем друг друга с 1904-1905 года, Сокольников жил вместе со мной в Швейцарии, он в 1928 году связал меня с Каменевым. Почему Сокольников, узнавши от Томского о моем якобы участии в блоке, ни разу со мною об этом не переговорил?

Ответ (Сокольниковца): Я избегал прямых обращений к Бухарину, так же как и он ко мне. В начале 1935 года у меня был один раз короткий разговор с Бухариным и то по поводу статьи в "Известиях". Я считал неудобным для себя сейчас же после своего назначения зам. наркомлеса выступать в печати против наркомата; я думал, что удобнее мне выступить под псевдонимом. Но Бухарин мне ответил на это: "Вы должны бороться за свою легальность. Это я доказываю и Рыкову".

Бухарин Н.И. Это не совсем так. Разговор был вовсе не о том, чтобы бороться за легальность, а о том, что не за чем Сокольникову, зам. наркома, играть в прятки в критике своего наркомата. Я тогда же говорил, что удивляюсь тому, что Рыков ничего не пишет о наркомате связи. Сокольников путает.

Сокольников Г.Я. Я подтверждаю, что Бухарин говорил именно о необходимости мне бороться за легальность. Смысл был именно таков, что мне печататься трудно, а он, Бухарин, готов мне оказать в этом содействие. Что же касается переговоров по делам блока, то эти переговоры шли через Томского. Это был конспиративный путь. Мы вообще избегали излишних разговоров, - мои встречи и разговоры с Бухариным могли навлечь подозрение. Кроме того, с 1929г. у нас с Бухариным, в сущности говоря, никаких личных отношений уже не было. Томский мне говорил, что он совещался по делам блока с Бухариным и выступал от имени Бухарина.

Ответ (Бухарина Н.И.): Я категорически отрицаю все, что говорил здесь обо мне Сокольников, ссылаясь на Томского. Сокольников подтвердил, что со мной он о блоке не говорил никогда ни слова. Я заявляю, что ни с Томским, ни с Рыковым об участии в блоке нашем или Томского я никогда не говорил. Это сплошная выдумка. С Каменевым я имел в последние годы три встречи и исключительно по деловым поводам. Никаких разговоров с ним или с кем-либо другим о борьбе против партии после 1929г, я не вел.

На этом очная ставка была закончена.

Показания мои в протоколе очной ставки записаны правильно и мне прочитаны:
(Сокольников)

Запись моих объяснений в протоколе очной ставки сделана правильно:
(Бухарин)

Прокурор Союза ССР (А.ВЫШИНСКИЙ)

30-нб

